

- Сергей, если честно, вы и сами производите не слишком веселое впечатление...

- Как же я могу производить веселое впечатление, если мне не весело?.. У меня только неделю назад закончился - очень надеюсь, что закончился, - период вообще полного отсутствия в жизни, который в острой форме длился три месяца, а в вялотекущей - последние два года. Раньше я только понаслышке знал, что с творческими людьми такие вещи случаются, а теперь вот... на себе испытал. Не очень это весело, должен вам сказать.

- И что в это время с вами происходило?

- А в том-то и дело, что ничего не происходило. Я даже не выпивал, слава Богу. Я только много спал и много читал. Обнаружил в доме книги, которые сам же и покупал, но прочесть так и не удосужился. Теперь прочел... Самое скверное, что музыка не пишется. Высказывают лягушки какие-то, банальные, противные, и приходит ощущение, что ты - полная бездарность. А потом начинаешь завидовать - не кому-то там, а себе же самому, только тому, прежнему, которому удавалось. А теперь непонятно, как тебе это удавалось, откуда бралось?.. Вот хуже этой зависти к себе ничего вообще нет. Как и нет ничего лучше радости, когда снова получается. Получается, получается, жить стоит, жизнь продолжается!.. Меня такие всплески могут привести... ну, чуть ли не к нервному срыву. Потом катарсис наступает... И появляются силы жить дальше. Тогда я кидаюсь к телефону, всех оповещаю: "Я живой, люблю, помню, целую..." Недавно я три дня на телефоне провисел, сообщил эту радостную новость маме, теще, друзьям... Потом оказалось, что я кучу дел запустил, надо деловые звонки совершать... В доме видите, что творится?.. Тоже не мешало бы...

- А где ваши близкие?

- Во всякой семье бывают, наверное, такие периоды, когда нужно немного разъехаться. Татьяна... она сейчас в Италии

Сергей Никитин - мастер художественного плова

В театре - студии Олега Табакова служит "завмузом" и время от времени дает концерты - маленькие, камерные, зальчик на 100 мест - Сергей НИКИТИН. Он опять поет про то, что стало нам так ясно, как хорошо быть молодым и что собака бывает кусачей, только пока живут на свете дураки, - и когда он про это поет, зальчик по-прежнему энтузиастично подпевает, и все вообще происходит очень похоже на то, как было "тогда". Только грустно, как тогда еще не бывало.

работает. Как вам известно, она два года проработала в Министерстве культуры. Ну, более вредной работы придумать себе трудно. Я вообще-то не очень это приветствовал, но раз уж она решила... Ну вот, а теперь наши друзья-итальянцы предложили ей заниматься опять же культурой, но уже итальянской. Последний раз мы с ней виделись в декабре в Германии. Сейчас она в Москву заехала. Следующий раз, наверное, увидимся в Америке, чтобы семью немножко воссоединить. У нас сын там в университете учится. Попал он туда случайно совершенно. Учился на филфаке МГУ, заполнил как-то анкеты, послал - и оказался первым советским студентом в Дартмут-колледже, где на волне любви к Горбачеву вдруг решили брать русских бесплатно. Теперь там около двадцати наших ребят, кажется... А Саша сейчас в аспирантуру поступает по специальности "Сравнительное литературоведение", диплом защитил по теме зла у Достоевского, Эдгара По и Бодлера...

- Вас в его годы интересовал Бодлер?

- Не помню, честно говоря. По-моему, меня с тех пор, как я начал взрослеть, и по сию густую пору интересует, могут ли люди хоть на самом поверхностном уровне друг друга понимать? Назовите это, если хотите, "темой коммуникабельности", или "темой взаимопонимания"... Вот я вам что-то такое про себя говорю, вот вы мне так в глаза смотрите, говорите: "Да, понятно..." А думаете, мне понятно, что именно вам понятно?..

- И в результате своих длительных раздумий к какому выводу вы пришли? Случается ли когда-нибудь кому-нибудь кого-нибудь понять?..

- Случается, но крайне редко. И только некоторым. Гердт рассказывал, один его знакомый ребенок называл таких людей "родным веществом". У меня такое "родное вещество" - Дима Сухарев... Недавно мы с ним работали над новым произведением, писали водеvil для Ирины Муравьевой... "Мы с ним" - это очень нагло с моей стороны утверждать, потому что он-то писал, а я, как уже говорил, пребывал в депрессии. И вот когда он уже всю свою работу сделал, а я к своей еще не прикоснулся... Мне было очень стыдно, а он себя так повел... он меня не только не стыдил, не пытался стимулировать мой чахлый творческий тонус, а только, когда ему удавалось ко мне прорваться, спрашивал, чем он мне может помочь. Ну хоть чем-нибудь. Может, просто надо приехать и обед приготовить? Или белье в прачечную отнести?.. Господи, как я был ему благодарен! Кстати, режиссер этого водевиля, Леонид Эйдин, который оказался сов-

сем уж пострадавшей стороной - процесс же закручен, декорации заказаны и уже даже готовы, а моя депрессия в смету не входит, - тоже проявил совершенно удивительное терпение и великодушие. Когда я ему - в очень редкие моменты! - все-таки звонил сказать, что я живой, просто у меня ничего не получается, он говорил, что это большое счастье и, раз я жив, значит, размеры беды еще не так велики... Я, в тоске своей, думал: "Издевается, хочет в объятиях задушить..." А потом понял, что он это искренне говорит. В результате в какие-то три дня произошел наконец со мной долгожданный взрыв, и пошло, пошло... Этот бенедикт Муравьевой вскоре должен играть в Москве, а потом поедет по России.

- Вы сейчас вообще как живете - замкнуто?..

- Ну как вам сказать... Не слишком. Завтра, в Татьянин день, мы к Гердту традиционно идем. У него жена тоже Татьяна, и это, как вы понимаете, повод серьезный. Иногда ко мне друзья приходят на плов. Плов, должен вам сказать, - это такое явление... социальное. Для двоих его не делают, минимум нужно человек шесть, чтобы есть плов. Меня научил его делать мой тесть Хашим Умарович Садыков, который даже среди своих земляков в Душанбе считался большим мастером. Мне, конечно, только в отдельных исполнениях удается достичь его уровня, но, тем не менее, Гердт называл меня как-то мастером художественного плова. И я этим горжусь. А тут недавно пришел к маме, и она мне подает какую-то очень вкусную гречневую кашу со шкварками и курагой и говорит: "Это - каша от Макареви-

ча!" Тут у меня прямо эта каша вместе с этими шкварками в горле и встала.

- От ревности?

- Конечно, от ревности. Каша-то была прекрасная! Я хочу предложить Макаревичу состязание в плове. Без всякого телевидения, по гамбургскому счету... А вообще он, конечно, молодец. Мне нравится его сольное пение, мне нравится его "Машина времени", и мне нравится его "Смак"... Тем более нравится, что кулинария там как-то и не главное, главное - что люди просто на свободе кайфуют... Я знаю по себе: это прекрасный и возвышенный момент, когда делаешь где-нибудь на выезде плов, и всех гостей еще нет, есть только хозяева, и ты с ними режешь, чистишь... Ну, может, заранее по рюмке водки выпили, и все совершенно свободно...

- Так бывает, только когда вы готовите плов?

- Так часто бывало... раньше. В течение многих лет у нас был такой способ отдыха на турбазе Дома ученых, в Латвии, на Гауе... Знаете, это был, как я сейчас понимаю, какой-то мини-коммунизм, утопический и прекрасный. Собирались люди, которым друг от друга ничего не было нужно, ну абсолютно ничего, кроме общения. И там у нас были такие самые-самые простые радости. Было некое место под тентом, большой такой стол, где по вечерам зажигались свечи, и никто не заставлял Булата Шалвовича петь, просто наступал момент, когда ему самому это... захаживалось... Мне там сочинялось естественно, и естественным было желание тут же это показать друзьям... Там вообще никто никого делать ничего не заставлял, и никому не надо было выпендриваться. И это были моменты высокого счастья. А счастье заключалось в том, что каждый мог быть самим собой... Как же это кафе-то называлось, в котором все творилось?.. Оно ведь как-то называлось... Забыл. Ну, не важно.

Яна ЗУБЦОВА,
Юлия ФРИД